

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Филологический факультет

На правах рукописи

Ли Имо

**Лексико-семантические особенности русских
зоосемизмов (на фоне китайского языка)**

Специальность 5.9.5 – Русский язык. Языки народов России (10.02.01)

АВТОРЕФЕРАТ ДИССЕРТАЦИИ
на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Москва 2022

Работа выполнена на кафедре русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Научный руководитель: **Шульга Мария Владимировна,**
доктор филологических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», филологический факультет, профессор кафедры русского языка

Официальные оппоненты: **Селиверстова Елена Ивановна,**
доктор филологических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», филологический факультет, профессор, и. о. заведующего кафедрой русского языка для гуманитарных и естественных факультетов

Бочина Татьяна Геннадьевна,
доктор филологических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», профессор кафедры иностранных языков в сфере международных отношений

Ломакина Ольга Валентиновна
доктор филологических наук, ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет», Институт филологии, профессор кафедры русского языка

Защита диссертации состоится 20 апреля 2022 г. в 15:00 часов на заседании диссертационного совета МГУ.059.1 (МГУ.10.01) при ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» по адресу: 119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 51, 1 -й учебный корпус, филологический факультет. E-mail: russlang@philol.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М. В. Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27) и на сайте ИАС «ИСТИНА»: <https://istina.msu.ru/dissertations/437395318/>

Автореферат разослан «...»2022 г.

Учёный секретарь диссертационного совета
доктор филологических наук доцент

О.В. Дедова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертационная работа посвящена проблемам вторичной номинации: проблеме метафоры как одного из видов вторичной номинации, особенностям вторичных названий лиц, мотивированных названиями животных.

Исследованию семантического поля вторичных номинаций, производных от названий животных, посвящены многочисленные научные работы. Употребление терминов, относящихся к этому виду номинации, и их толкование в научной литературе варьируется. Широко употребительны термины *зоометафоры*, *зооморфизмы*, *анимализмы*, *зоосемизмы*.

В теоретическом аспекте в научной литературе обсуждаются границы между первичными номинациями (*зоонимами*) и их метафорическими производными. Особую проблему составляет квалификация тех характеризующих значений зоонимов, которые реализуются во фразеологических единицах (в широком смысле, в том числе в сравнениях). Ряд исследователей в теоретическом аспекте разграничивают метафорические значения названий животных и зоонимические фразеологически связанные значения. Последние рассматриваются преимущественно как *зооморфизмы* – промежуточная позиция между названиями животных и названиями лиц. Однако в применении к практическому материалу *зооморфизмы* и «*зоонимные метафоры*», как правило, не разграничены.

Описанию собственно *зоосемизмов* посвящены единичные работы.

В данной работе мы анализируем вторичные названия лиц, мотивированные названиями животных, используем по отношению к ним термин *зоосемизмы*, а также останавливаемся на проблеме разграничения *зоосемических* и *особых зоонимических значений* в составе фразеологических единиц.

Наше исследование лексико-семантических особенностей *зоосемизмов* опирается в основном на материалы толковых словарей русского языка. Русские *зоосемизмы* в том составе, в котором они отражены в русских толковых словарях, рассматриваются на фоне соотносительных по мотивации китайских *зоосемизмов* и сквозь призму русско-китайского двуязычного словаря.

Актуальность темы настоящего исследования предопределена тем, что вторичные названия лиц, мотивированные названиями животных, являются одной из самых регулярных моделей метафорической номинации. Целенаправленного исследования лексико-семантических свойств русских *зоосемизмов* в их совокупности, насколько нам известно, до сих пор не проводилось.

Дополнительные возможности для исследования русского

зоосемического материала содержит двуязычный русско-китайский толковый словарь. В практике научных исследований двуязычные словари используются как источник изучения лексической системы языков.

Обращение к соотносительному китайскому материалу оправдано потребностями более глубокого изучения того, что в языковом плане обеспечивает эффективность межкультурной коммуникации. Язык позволяет выявить специфику мировидения разных народов и учитывать её в самых разных сферах: от межличностного общения до перевода художественной литературы. Национальная самобытность проявляется в системе образного мышления, в метафорическом восприятии и отображении действительности.

Цель работы – описание состава русских зоосемизмов, как они представлены в русской лексикографии; выявление их лексико-семантических, стилистических и грамматических особенностей; выявить специфику русских зоосемизмов в сопоставлении с эквивалентными китайскими зоосемизмами, представленными в китайской лексикографии; выявить проблемы представления русского зоосемического материала в двуязычной русско-китайской лексикографии.

В данной работе решаются следующие **задачи**:

Изучить теоретическую литературу по определению метафоры в русской и китайской научной традиции.

Выявить семантические и прагматические различия между зоонимами в составе фразеологизмов и зоосемизмами; очертить границы зоосемических значений.

Составить по возможности полный список зоосемизмов по материалам русской толковой лексикографии; исследовать характеризующие значения зоосемизмов, грамматические, стилистические и прагматические особенности, способы представления зоосемизмов в русской лексикографии.

Описать своеобразие русских зоосемизмов на фоне китайских зоосемизмов, мотивированных соотносительными зоонимами.

Сопоставить описание русских зоосемизмов в русских толковых словарях и в двуязычном русско-китайском словаре; выявить проблемы двуязычной лексикографии, связанные с недостаточностью для китаезычного пользователя тех сведений о зоосемизмах, которые имеются в русских словарях.

Объектом исследования являются русские зоосемизмы.

Предмет данной работы – лексико-семантические, грамматические, стилистические и прагматические особенности русских зоосемизмов.

Источники и материалы. Источником исследования являются толковые словари русского языка, толковые словари китайского языка, двуязычный русско-китайский словарь. Список источников прилагается в конце рукописи. Каждый пример сопровождается ссылкой на источник.

В отдельных случаях, когда выявлялись принципиальные между русскими словарями, требовались количественные характеристики или сведения о соотношении вариантов, мы обращались также к материалам Национального корпуса русского языка (далее: НКРЯ).

Из словарей русского языка методом сплошной выборки материала обработаны следующие издания: Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значениям / Под общей ред. Н.Ю. Шведовой. Т. 1. М., 2002 (раздел «Названия лиц и животных»); Дуличенко Л.В. Словарь обидных слов: наименования лиц с негативным значением. – Тарту, 1999.

«Русский семантический словарь» (далее: РСС) составлен на основе полного извлечения материалов из однотомного "Словаря русского языка" С.И. Ожегова (изд. 1–23, 1949–1989) и из "Толкового словаря русского языка" С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (изд. 1–4, 1993–1997), он дополнен материалами из академического "Словаря современного русского литературного языка" (тт. 1–17; 1948–1965, 2-е изд., перераб. и доп., тт. 1–7, 1991–1996), и из других словарных источников, а также из современной литературы.

«Словарь обидных слов: наименования лиц с негативным значением» Л.В. Дуличенко (далее: СОС) представляет собой лексикографическое описание названий лиц со вторичным значением. Он опирается на материал академического «Словаря русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой. Таким образом, эти два словаря – РСС и СОС – в совокупности отражают основные научные традиции современной лексикографии: традиции Большого и Малого академических словарей и нормативного толкового словаря общеупотребительной лексики С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой.

В отдельных случаях мы привлекаем также данные других русских словарей, список которых прилагается в конце рукописи.

Мы отдаем себе отчет, что в русской речи круг зоосемизмов шире, чем это отражено в словарях. Многие метафорические значения, встречающиеся, например, в художественной литературе, по разным причинам не нашли отражения в словарях. Тем не менее, для решения поставленных задач извлеченный из словарей материал является, на наш взгляд, достаточно репрезентативным.

Методы научного исследования. В диссертации используются описательный метод, метод компонентного анализа, сопоставительный метод, элементы количественного метода, лингвистический эксперимент, приём сплошной выборки материала.

Научная новизна работы состоит в комплексном исследовании подсистемы русских зоосемизмов, ранее не подвергавшихся специальному рассмотрению; выявлены семантические, грамматические, стилистические и прагматические особенности русских зоосемизмов по сравнению с мотивирующими их зоонимами; выявлены спорные и нерешенные вопросы в описании зоосемизмов в русской лексикографии; представлено своеобразие русских зоосемизмов на фоне китайских зоосемизмов, мотивированных соотносительными зоонимами; на материале двуязычной русско-китайской лексикографии определен круг схождений в использовании русских и китайских зоосемизмов, выявлена сфера специфического для русского языка и трудно переводимого на китайский язык.

Теоретическая значимость работы состоит в описании и разграничении свойств зоонимов и их метафорических производных. Полученные результаты способствуют повышению общетеоретического уровня современных исследований по проблемам вторичной номинации, метафоры как одного из видов вторичной номинации, исследованию особенностей вторичных названий лиц.

В дополнение к ранее проведённому другими авторами анализу данной микросистемы, мы описываем её особенности на фоне китайского языка, что позволяет выявить национальную самобытность в системе образного мышления двух народов, в метафорическом восприятии и отображении действительности.

Практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы в различных университетских курсах по семантике и прагматике, по стилистике, по переводу, в практических курсах русского языка как иностранного; для уточнения грамматических и семантических характеристик зоосемизмов при их лексикографическом описании, при составлении лингвострановедчески ориентированных учебных пособий, а также в практике перевода различных текстов с русского языка на другие языки, в частности, на китайский.

Положения, выносимые на защиту.

1. Зоосемизмы составляют особую лексическую подсистему как по отношению к первичным названиям лиц, так и по отношению к подсистеме мотивирующих их зоонимов. Отношения синонимии, многозначности у зоосемизмов имеют особый характер по сравнению с мотивирующими их зоонимами. У зоосемизмов и зоонимов не совпадают также прагматические компоненты значений. Для зоосемизмов наиболее характерными прагматическими компонентами значения являются оценочные компоненты.

2. Процесс вторичной номинации затрагивает грамматические свойства мотивирующих слов. У зоосемизмов наблюдается переосмысление отношений между грамматическим родом и биологическим полом в результате их адаптации в кругу личных существительных. У зоосемизмов, обозначающих лиц мужского пола, могут формироваться особые синтаксические свойства (синтаксический род, не соответствующий морфологическому роду). Результаты и степень грамматической адаптации зоосемизмов среди названий лиц характеризуются индивидуальностью и нерегулярностью.

3. Между основными русскими словарями имеются существенные расхождения в составе зоосемизмов, в их толковании, в определении грамматического рода и биологического пола зоосемизмов, в стилистической характеристике. Отчасти это связано с недостаточной разработанностью зоосемической проблематики и неоднозначностью способов лексикографического описания зоосемизмов.

4. Анализ выявил своеобразие лексического состава русских зоосемизмов на фоне китайского языка. Из русских зоосемизмов только 14,2 % мотивированы соотносительными зоонимами в китайском языке.

Характеризующие признаки и оценочность таких зоосемизмов совпадают в двух культурах лишь частично; у них могут быть актуализированы разные характеризующие признаки; отмечается противоположная оценочность; русские зоосемизмы имеют более широкий диапазон стилистических и прагматических характеристик; они окрашены более негативно.

5. Способы лексикографического описания русских зоосемизмов в двуязычном русско-китайском словаре не однотипны. Сфера специфического для русского языка и трудно переводимого на китайский язык отражается в преобладании описательного метода, без обращения к китайскому зоосемическому соответствию. Китайскими зоосемизмами, мотивированными теми же зоонимами, с близким характеризующим значением, переводятся единичные русские зоосемизмы (четыре зоосемизма – 7,7 %).

6. Сравнительно адекватное отражение характеризующих значений русских зоосемизмов в двуязычном словаре составляет менее трети от того зоосемического материала, который выявлен в русских толковых словарях; у шестой части русских зоосемизмов не отражены зоосемические значения, имеющиеся в русских словарях; толкования в двуязычном словаре в той или иной степени не соответствуют толкованиям в русских толковых словарях у половины русских зоосемизмов. Эти количественные показатели характеризуют сложности с восприятием и описанием метафорических значений в двуязычной (переводной) лексикографии.

7. Китайско-русский двуязычный словарь отражает объективные трудности с выявлением русских метафорических значений и некоторую субъективность лексикографических решений русскоязычных словарей. Неточности в переводе русских зоосемизмов связаны отчасти с неоднозначностью информации в русскоязычной лексикографии.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования нашли отражение в научных докладах на следующих международных конференциях: Международный научный форум студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов – 2019» (Москва, 2019); Международный научный форум студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов – 2020» (Москва, 2020); Международный научный форум студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов – 2021» (Москва, 2021). По теме диссертации опубликовано восемь научных работ, из них четыре статьи в журналах, рекомендованных ВАК и включенных в список рецензируемых научных изданий, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова по специальности 5.9.5 – Русский язык. Языки народов России (10.02.01). Список всех публикаций приведен в конце автореферата.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, трёх глав, заключения и библиографии. Список использованной литературы включает 148 наименований.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении обосновывается актуальность темы диссертации, определяются её научная новизна, теоретическая и практическая значимость, указываются объект, предмет и методы исследования, формулируются цели и задачи, раскрываются положения, выносимые на защиту, приводятся сведения о научной апробации основных положений диссертации, об общей структуре работы.

В Главе 1 «Место зоосемизмов в лексической системе русского языка» описываются свойства зоосемизмов на фоне мотивирующих их зоонимов; разграничиваются зоонимы в составе фразеологических единиц и зоосемизмы.

В п. 1.1 рассматривается метафора, которая используется для номинации как особый, предикативно-характеризующий, тип лексического значения. Она реализуется в строго закрепленных синтаксических позициях: в сказуемом или составе сказуемого, в обращении, в обособленном определении и приложении. Зоосемизмы – вторичные названия лиц, мотивированные названиями животных (зоонимами), – являются одной из самых регулярных моделей метафорической номинации.

Понимание терминов *зооним* и *зоосемизм* в научной литературе варьируется, здесь наблюдается синонимия, неоднозначность терминов и омонимия. В ряде работ используются другие термины для обозначения вторичных зоо-номинаций. В том же значении, что и зоосемизм, употребляются термины *зооморфная метафора*, *зоометафора*, *анимализм* и некоторые другие.

Мы рассматриваем зоосемизмы как особые номинативные единицы, исходя из следующих их отличий от мотивирующих зоонимов: у зоонима и зоосемизма разные денотаты – денотатом зоонима является животное, денотатом зоосемизма является человек; семантика зоонима и мотивированного им зоосемизма регулярно различается – зоосемизмам, в отличие от зоонимов, свойственны характеризующие признаки; зоонимы выполняют номинативные функции, для зоосемизмов характерны экспрессивная и прагматическая функция (оценочность); зоосемизмы в речи преимущественно стилистически маркированы, в отличие от зоонимов; зоонимы и зоосемизмы могут различаться грамматическими свойствами (по отношению к категориям рода и числа).

В п. 1.2 зоосемизмы рассматриваются как особое явление по функции в речи. В процессе вторичной номинации зоосемизмы приобретают коннотации – эмоциональность, оценочность, характеризующие значения, не свойственные зоонимам. Исследователи констатируют, что в большинстве своем зоосемизмы имеют отрицательные коннотации и связывают это с особенностью концептуализации действительности, когда хорошее является

нормой и не всегда фиксируется в языке, а плохое маркировано, оно отражается в языке как признак отклонения от хорошего.

В п. 1.3 уделяется внимание грамматическим свойствам зоосемизмов. Зоонимы и зоосемизмы относятся к разным лексико-грамматическим классам существительных, противопоставленным по признаку не-лицо — лицо. В процессе метафоризации отношения между грамматическим родом и биологическим полом меняются. Для этих изменений характерны нерегулярность и индивидуальность.

При вторичной номинации некоторые зоосемизмы могут сохранять родо-половые отношения мотивирующих зоонимов, например, *осел* — *ослица*. Однако в некоторых парах при вторичной номинации семантическая соотносительность не сохраняется. Так, зоосемическое значение отражено только у зоонима мужского грамматического рода *гусь*; *гусыня* в толковых словарях фиксируется только как зооним. В паре *козел* — *коза* при вторичной номинации меняются отношения между грамматическим родом и биологическим полом, они приобретают также разные характеризующие значения.

У зоосемизмов, обозначающих лиц мужского пола, могут формироваться особые синтаксические связи (синтаксический род), не соответствующие морфологическому роду.

В п. 1.4 зоосемизмы рассматриваются по отношению к их семантическим производящим, дается общее описание понятия «семантическая деривация». Первоначально термин семантическая деривация употребляется только в области словообразования. Д.Н. Шмелев использует его в семантическом плане¹. «Семантическая деривация предстаёт как частный случай обычной лексической деривации — словообразования»². «В самом деле, семантическая деривация отличается от словообразования только тем, что не требует формальных показателей»³.

По словам Е.В. Падучевой, семантическая деривация представляет собой следствие регулярной многозначности, как динамическая модель многозначности. Предполагается, что, во-первых, во множестве лексем многозначного слова можно найти корневую лексему, по отношению к которой «все остальные являются её прямыми или опосредованными семантическими дериватами». Во-вторых, «исчислить модели семантической деривации, порождающие производные значения из исходных». При этом «одни и те же деривации должны повторяться в разных словах — что и служит доказательством существования моделей»⁴. Соответственно, в нашей работе «корневая лексема» — это значение зоонима (название животного), «модель

¹ Шмелев Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка. — М.: Просвещение, 1964. 244 с.

² Апресян Ю. Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. — М.: Наука, 1974. 472 с.

³ Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. — М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 147.

⁴ Там же. С. 149.

семантической деривации»: животное → человек.

В п. 1.5 уделяется особое внимание некоторым аспектам отношений между сравнением и метафорой, актуальным для нашего исследования.

В аспекте семантики (п. 1.5.1) установлено, что сравнение указывает на подобие одного объекта другому, независимо от того, является оно постоянным или преходящим; метафора выражает устойчивое подобие, раскрывающее сущность предмета, его постоянный признак»⁵; метафора является изменением смыслового содержания слова.

В структурном аспекте (п. 1.5.2) в научной литературе рассматривается различие внутренних форм метафоры и сравнения и применяется понятие метафорической модели. Для метафоры характерно имплицитное отрицание; метафора – ‘можно сказать, что не..., а ...’. Сравнение выявляет любое сходство или его отсутствие. Сравнение – ‘можно сказать, что это могло бы быть’⁶.

Г.Н. Скляревская констатирует, что модель метафоры прозрачная, отражает определённое качество, характеризующее человека. А модель сравнения имеет сложную многочленную структуру, отражающую результат сопоставления двух объектов»⁷. Для метафоры она предлагает следующую модель: Аа + С, где Аа – живое существо человек, С – оценочное значение.

А.П. Чудинов определяет метафорическую модель как существующую и / или складывающуюся в сознании носителей языка схему связи между понятийными сферами, которую можно представить определённой формулой: «Х – это Y»⁸. Что касается сравнения, то А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский выделяют модель эксплицитного сравнения среди пяти основных моделей внутренних форм идиомы.

Сравнение может быть выражено союзными средствами (эксплицитно), а также бессоюзными средствами (п. 1.5.3): именем существительным в форме творительного падежа, именем существительным в форме родительного падежа, в форме приложения. В случае бессоюзного сравнения возникает проблема разграничения зоонимических и зоосемических значений.

Мы рассматриваем в качестве сравнения (как зоонимы) бессоюзные зоо-номинации типа *выть волком* (внутренняя форма: *выть как волк*), *взгляд тигрицы* (внутренняя форма: *взгляд как у тигрицы*).

После связки русская метафора «предпочитает им. п. творительному, обозначающему состояние или переменный признак: *Командир наш был орёл (орлом)*. Твор. п. (метафоры) используется тогда, когда на признак наложен предел, обычно в стереотипных метафорах (*Не будь свиньёй; Каким я был*

⁵ Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1998. 895 с.

⁶ Вежбицкая А. Сравнение – градация – метафора // Теория метафоры. Сборник; Под общей ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журиной. – М.: Прогресс, 1990. С. 133–152.

⁷ Скляревская Г. Н. Метафора и сравнение: логические, семантические и структурные различия // Мир русского слова. 2017. № 4. С. 9–17.

⁸ Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: Монография. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2003. 250 с.

ослом)»⁹.

Зоо-номинации типа *Собакевич — настоящий медведь, она может и не агнец, мамы-тигрицы* рассматриваем как зоосемические.

Наиболее характерные расхождения в понимании границ между зоонимами и зоосемизмами в научной литературе связаны с зоо-номинациями в составе фразеологических единиц (п. 1.6). Исследование показывает принципиальные расхождения между этими феноменами и в лексическом составе, и в характеризующих значениях.

В частности, фразеологические значения у зоонимов представлены шире, чем метафорические значения. В «Идеографическом словаре русских фразеологизмов с названиями животных»¹⁰ Т.В. Козловой выявлено 283 зоонима. В РСС и в СОС методом сплошной выписки мы выявили 162 зоосемизма. У большинства зоонимов, отмеченных в составе фразеологических единиц, отсутствует метафорическое значение. При этом большинство зоосемизмов образовано от зоонимов, не отмеченных в составе фразеологизмов. Наличие фразеологического значения, наряду с зоосемическим, нами выявлено только у 45 названий животных.

Наше исследование также выявило высокую степень несовпадения между характеризующими значениями зоонимов во фразеологизмах и значениями зоосемизмов. Здесь имеются три типа ситуаций (39 единиц).

1) У зоосемизма актуализирована часть характеризующих признаков, ассоциирующихся с соответствующим зоонимом в составе фразеологизмов, – 14 единиц: *гусыня, зверь, змея, кобель, корова, лиса / лисица, осёл, петух, попугай, сорока, червь, ягнёнок, индюк, кот*.

2) Помимо части признаков, характерных для зоонима во фразеологии, у зоосемизма может быть актуализирован дополнительный характеризующий признак или дополнительные признаки – 10 единиц: *бык, боров, голубь, кляча, коза, ласточка, лошадь, нава, птица, сокол*.

3) Зооним во фразеологии и зоосемизм могут различаться характеризующими признаками – 12 единиц: *волк, ворона, гусь, жеребец, кобыла / кобылица, лев, овца, пёс, рыба, сова, трутень, сыч*. Они могут даже противоречить друг другу – 3 единицы: *конь, медведь, телёнок / телок*.

Эти наблюдения иллюстрируют существенные расхождения между рассматриваемыми явлениями. Фразеологически связанные значения зоонимов и зоосемические значения не могут рассматриваться как вариативные.

Таким образом, мы разграничиваем метафорические значения (зоосемизмы) и зоонимические значения зоо-номинаций в составе фразеологических единиц (в том числе сравнений), исходя из следующих их различий: денотатом зоосемизма является человек, во фразеологии денотатом

⁹ Арутюнова Н. Д. Метафора // Русский язык: Энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. 2-е изд. – М., 1997. 234 с.

¹⁰ Козлова Т. В. Идеографический словарь русских фразеологизмов с названиями животных. – М.: Издательство "Дело и Сервис", 2001. 208 с.

является животное; лексический состав зоонимов во фразеологизмах и зоосемизмов существенно различается; у большинства зоонимов, отмеченных в составе фразеологических единиц, отсутствует метафорическое зоосемическое значение; большинство зоосемизмов образованы от зоонимов, не отмеченных в составе фразеологизмов; характеризующие признаки зоосемизмов, как правило, устойчивы, они уже совокупности характеризующих фразеологических значений зоонима; зоонимы во фразеологии и зоосемизмы имеют регулярные различия по характеризующим значениям, эти значения могут даже противоречить друг другу.

Глава 1 завершается основными выводами (п. 1.7).

Глава 2 «Зоосемизмы в русских толковых словарях» содержит системный анализ русских зоосемизмов.

В п. 2.1 описаны расхождения в лексическом составе подкласса зоосемизмов. Между авторитетными русскими словарями наблюдаются существенные расхождения в отражении лексического состава зоосемизмов. Так, семь толковых словарей русского языка, вышедших с 1935 по 2002 год, включают в совокупности 139 зоосемизмов¹¹. Из них только 23 зоосемизма солидарно признаны всеми словарями, то есть 16,5 % от общего числа зоосемизмов. Между «Словарем русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой (МАС) и «Словарем русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (4-е изд. — М., 1999) также имеются существенные расхождения в составе зоосемизмов: в словнике МАС отражен 81 зоосемизм, в словнике Ожегова, Шведовой 1999 содержится 62 зоосемизма, из них общими для двух словарей являются 53 зоосемизма. Существенно различается состав зоосемизмов в РСС и СОС: он совпадает только на 44,4 %.

Расхождения между наиболее авторитетными словарями показывают, насколько неоднозначным и сложным является вопрос о лексическом составе зоосемизмов. Он требует согласованного решения теоретических проблем лексикологии и лексикографии, выхода за пределы проблематики нашего исследования. В нашей выборке зоосемического материала мы следуем традиции расширительного толкования метафоры и, в частности, зоосемизма, обращаемся не только к ядерной, но также к периферийной сфере зоосемической микросистемы. Мы отталкиваемся от антропоцентрического значения у существительных, называющих также животных; в отдельных случаях сознательно выходим за пределы непосредственной семантической мотивированности названием животного. Важным аргументом в пользу такого подхода является однотипность их лексико-семантических свойств, стилистических и прагматических функций.

Методом сплошной выборки материала в РСС и СОС выявлено 162

¹¹ Используются следующие данные: *Фролова О. Е.* Переносные значения названий животных в толковых словарях (антропоцентрический аспект) // *Русский язык в научном освещении*, 2005, № 2 (10). С. 137–158.

зоосемизма. Состав зоосемизмов в двух русских словарях совпадает лишь отчасти – 72 зоосемизма; 41 зоосемизм зафиксирован только в РСС; 49 зоосемизмов зафиксированы только в СОС. Расхождения в лексическом составе подкласса зоосемизмов отчасти связаны с лексикографическими принципами базовых словарей, отчасти отражают субъективность лексикографических решений при описании переносных значений. Этот факт выявляет сферу недостаточной изученности зоосемической проблематики.

Сопоставительный анализ характеризующих признаков зоосемизмов в русских словарях (п. 2.2) обнаружил, что только 26 из 72 общих зоосемизмов (36 %) представлены в обоих словарях с одними и теми же характеризующими признаками. Почти две трети зоосемизмов различаются по описанию или составу характеризующих признаков. Преимущественно это близкие характеризующие признаки, но названные по-разному (25 зоосемизмов из 72, что составляет 35 %): *астид, бугай, ворона, вьюн, гадина, гадюка, гусь, зверь, зверюга, змеёныш, змея, клоп, кляча, крокодил, паук, птица, рыба, скотина, слизняк, собака, сорока, тля, тюлень, ублюдок, червяк*. У 12 зоосемизмов (17 %) характеризующие значения зоосемизмов в двух словарях совпадают только частично: *бирюк, быдло, выдра, гнида, зубр, клуша, медведь, обезьяна, петух, прилипала/прилипало, свинья, хищник*. При этом толкования в СОС преимущественно более детальные, а в РСС более обобщенные. Выявлены также зоосемизмы, которые характеризуют человека по различающимся признакам (9 зоосемизмов – 12,5 %): *амёба, жаба, ишак, кукушка, лошадь, львица, мартышка, мастодонт, пиявка*.

Отличительные характеризующие признаки каждого из словарей подтверждаются, как правило, материалами НКРЯ. В целом можно констатировать, что толкования двух словарей соответствуют узусу и дополняют друг друга.

Метафорические значения характеризуются стилистической окрашенностью (п. 2.3). Зоосемизмы регулярно сопровождаются стилистическими пометами: *разг., прост., устар., нар.-поэт., книжн.* Большинство зоосемизмов характеризуются как сниженные – разговорные (41,7 %) или просторечные (33,5 %). Как стилистически нейтральные (без особой стилистической пометы) в обоих словарях представлены 24,7 % зоосемизмов.

Расхождения между словарями в отношении употребления помет *разг.* и *прост.* не отражают определенной тенденции. С одной стороны, как более сниженные характеризуются некоторые зоосемизмы в СОС: здесь имеется помета просторечное при зоосемизмах, помеченных в РСС как разговорное: *гадюка, кляча, козьявка, мартышка*, а также при зоосемизмах, помеченных в РСС как разговорное и просторечное: *каракатица, прилипала / прилипало*. С другой стороны, в СОС помечены как разговорное зоосемизмы, которые имеют в РСС помету просторечное: *гусь, зверюга, ищейка*. Немаловажную роль в этих расхождениях могут играть объективные факторы, в частности, диффузность самих стилистических характеристик.

Оценочность у зоосемизмов отражается двумя способами: оценочными компонентами в толковании и оценочными пометами. Маркерами положительной оценки (преимущественно положительными компонентами в толковании) в РСС сопровождаются зоосемизмы *бугай, голубь, зайчик, кит, ласточка, лев, львица, орёл, птичка, сокол, стрекоза, ягнёнок, котёнок*. Отдельные зоосемизмы не сопровождаются маркерами оценочности – они могут быть отнесены к нейтральной оценке: *жаворонок, ишак, морж, муравейник, птица, сова, щебетун, щебетунья*.

На материале словарей находит подтверждение высокий прагматический потенциал зоосемизмов. Обращает на себя внимание тот факт, что зоосемизмы характеризуют человека преимущественно отрицательно. Маркерами отрицательной оценки (оценочными пометами или оценочными компонентами в толковании) в РСС сопровождаются 92 зоосемизма из 113 (81,4 %). Объектом описания в СОС являются «обидные слова», то есть названия лиц с негативной оценкой. Зоосемизмы в СОС почти всегда сопровождаются маркерами отрицательной оценки (116 зоосемизмов, что составляет 96 %). В толковании некоторых зоосемизмов в СОС отрицательно оценочные компоненты сочетаются с нейтральными, например, *коза, овечка, пава*. Почти у половины зоосемизмов оценочность выражена только в оценочных компонентах толкования, без оценочных помет. Так, не имеют оценочных помет в обоих словарях 77 зоосемизмов (47,5 %).

Исследование выявило противоречия и лакуны в лексикографическом описании зоосемизмов по признакам грамматического рода и биологического пола (п. 2.4). При зоосемизмах имеются традиционные грамматические пометы, указывающие на грамматический род: *м.* – мужской род, *ж.* – женский род, *ср.* – средний род, *м.* и *ж.* – общий род. Помета общего рода *м.* и *ж.* в лексикографии используется при названиях лиц; при этом она указывает одновременно на отнесенность номинации к лицам мужского и женского биологического пола. Однако при зоосемизмах в применении пометы *м.* и *ж.* наблюдается непоследовательность. Например, в РСС *лошадь* представляется как женский грамматический род; в СОС – с пометами *м.* и *ж.*, как общий грамматический род или как указание на мужской и женский биологический пол. В РСС помета *м.* и *ж.* отнесена не только к женскому морфологическому подю *прилипала*, но и к среднему морфологическому роду *прилипало*; последнее не соответствует традиционному пониманию общего рода. Видимо, помету *м.* и *ж.* при зоосемизме *прилипало* следует рассматривать как указание на биологический пол.

Расхождения между двумя словарями касаются в основном грамматической характеристики ряда зоосемизмов на *-а*. Следующие зоосемизмы представлены в РСС как слова общего рода и сопровождаются грамматической пометой *м.* и *ж.*, а в СОС как слова женского рода и сопровождаются грамматической пометой *ж.*: *гадина, гнида, ехидна, каракатица, кляча, малявка, скотина*.

Синтаксические свойства зоосемизмов общего рода – способность

иметь при себе согласуемые слова как по женскому, так и по мужскому роду – в словарях остаются не описанными. Только в исключительных случаях толковые словари выявляют возможность согласования по мужскому роду (при названиях лиц мужского пола на *-а*) в иллюстративном материале, например: *От этого прилипалы не отвяжешься!* (РСС).

Для зоосемизмов актуальна регулярная информация о биологическом поле. Способы ее представления в словарях не формализованы и недостаточно унифицированы. Для указания на биологический пол зоосемизма используются следующие маркеры: *мужчина, юноша, мальчик* – мужской пол; *женщина, дама, девочка* – женский пол; *человек, тот кто*, название лица по характеризующему признаку (*хитрец*) – мужской и женский пол. Отношения между грамматическим родом и биологическим полом описываются не единообразно.

Довольно спорный способ описания представлен в СОС: при словах женского грамматического рода на *-а* (например, зоосемизм *акула*) имеется указание: «также относится к муж. полу». При этом способе грамматическая родовая помета *ж.* функционирует одновременно и как маркер женского биологического пола. Такое употребление пометы *ж.* является отступлением от общей лексикографической традиции разделять грамматическую информацию о роде и информацию о биологическом поле и, по крайней мере, нуждается в особой оговорке.

В характеристиках грамматического рода и биологического пола зоосемизмов между русскими толковыми словарями выявляются различия. Зоосемизмы на *-а* *гадина, гнида, ехидна, каракатица, кляча, малявка, скотина* РСС характеризует как слова общего рода, на что указывает помета *м.* и *ж.* В СОС они охарактеризованы как слова женского грамматического рода с помощью пометы *ж.* Исследованные материалы НКРЯ подтверждают женский грамматический род зоосемизмов *гнида, ехидна, каракатица, кляча*; подтверждают общий грамматический род зоосемизмов *гадина, малявка, скотина*.

Между двумя русскими словарями имеются расхождения при обозначении биологического пола зоосемизмов: *гадюка, крокодил, мартышка*. На основе материалов НКРЯ подтверждается отнесение их к мужскому и к женскому биологическому полу, как это представлено РСС.

Выявленные во главе 2 расхождения между авторитетными толковыми словарями в лексическом составе зоосемизмов, в наборе характеризующих признаков, в стилистических и прагматических характеристиках, в грамматических пометах и при обозначении биологического пола отчасти отражают подвижность, изменчивость, неустойчивость метафорических значений, характерную для экспрессивной лексики в целом. Они выявляют также недостаточную разработанность зоосемической проблематики, недооцененность специфики грамматических характеристик зоосемизмов в лингвистике.

Глава 2 завершается основными выводами (п. 2.5).

Глава 3 «Русские зоосемизмы на фоне китайского языка» посвящена анализу русских зоосемизмов на фоне соотносительных по мотивации китайских зоосемизмов и сквозь призму русско-китайского двуязычного словаря.

В обзоре научной литературы о метафоре в Китае (п. 3.1-2), особо отмечается, что в Китае, как и в России, представлены три этапа и три аспекта развития теории метафоры: стилистический, семантический и когнитивный. Эти этапы связаны с развитием философии и филологии, точнее, с изменениями научной парадигмы.

В китайской лексикологии большинство научных работ посвящено сопоставительному анализу зоо-номинаций английского и китайского языков. Русский зоосемический материал привлекается только в немногих исследованиях (около 5 % от общего количества научных работ данной проблематики), при этом исследования осуществлены преимущественно на фразеологическом материале, а не на материале зоосемизмов. Проблема разграничения зоонимов и зоосемизмов в китайском языкознании пока не обозначена.

Состояние современной китайской лексикологии и лексикографии отражают два основных толковых словаря – «Большой словарь китайского языка»¹² (БСКЯ) и «Словарь современного китайского языка»¹³ (ССКЯ). Отталкиваясь от состава русского зоосемического материала, мы выявили 23 китайские зоо-номинации со значением ‘признак человека’, мотивированные теми же китайскими зоонимами, что и русские зоосемизмы.

В п. 3.3 рассматриваются особенности русских зоосемизмов в сопоставлении с китайскими зоосемизмами, мотивированными соотносительными зоонимами.

Обращение к китайской толковой лексикографии позволило увидеть национально-культурную специфику русского зоосемического материала. В русской лексике метафоризация является важным способом создания новых слов. Многие метафорические характеристики человека на основе зоонимов не представлены в китайском языке, и эти вторичные наименования человека составляют одну из особенностей русского языка на фоне китайского.

Зоо-номинации со значением ‘признак человека’, мотивированные теми же зоонимами, что и русские зоосемизмы, составляют 14 % от русского зоосемического материала. Сопоставление показало, что общие зоо-номинации имеют разную степень эквивалентности: высокую степень эквивалентности (*барбос, животное, крыса, лиса, птица, свинья, скотина, собака, хамелеон, хищник*); среднюю степень эквивалентности (*ласточка, лис,*

¹² Большой словарь китайского языка / Под ред. Ло Чжунфен. – Шанхай: Издательство лексикографической литературы, 1993. 18481 с. // 罗竹凤主编 汉语大词典, 上海: 上海辞书出版社. 1993. 18481 с.

¹³ Современный словарь китайского языка (7 изд.) / Под ред. Люй Шусян, Динь Шэншу. – Пекин: Коммерческое издательство, 2019. 1800 с. // 吕叔湘, 丁声树主编 现代汉语词典 (第7版), 北京: 商务印书馆, 2019. 共 1800 页。

медведь, пёс, поросё, тигрица); низкую степень эквивалентности (*бык, дракон, змея, лошадь, обезьяна, овца, орёл, попугай*).

Русские и китайские зоосемизмы характеризуют человека по общим и разным категориальным признакам. У следующих зоосемизмов в русском языке набор этих признаков шире: *птица, свинья, собака*. Некоторые зоосемизмы в двух языках имеют противоположные характеристики: *дракон, змея, попугай, обезьяна, орёл*.

Различия по биологическому полу, свойственные зоонимам, у зоосемизмов могут сопровождаться разными характеризующими значениями (например: *бык – корова; петух – курица*). Данные особенности ярко отражаются в русском языке. В китайском языке толкуются по-разному только зоосемизмы *лис* ('развратный и похотливый') и *лиса* ('хитрый и коварный'). При этом *лис* характеризуется как устарелое, в ССКЯ этот зоосемизм уже не зафиксирован.

Многие китайские зоосемизмы связаны с политической ситуацией древности (*лис, хамелеон, поросё*). Они отражают концептуальную специфику определённой эпохи, что в целом не свойственно русскому зоосемическому материалу.

Диапазон стилистических и прагматических помет при китайских зоосемизмах уже, чем при соотносительных русских зоосемизмах.

Треть китайских зоосемизмов (8 из 23) реализуют положительные или нейтральные оценки лица: *бык, дракон, змея, ласточка, обезьяна, овца, попугай, птица*; остальные две трети (16 из 23) зоосемизмов реализуют отрицательные оценки: *барбос, животное, крыса, лис, лиса, лошадь, медведь, орёл, пёс, поросё, скотина, свинья, собака, тигрица, хищник, хамелеон*. В русском языке соотносительные зоосемизмы окрашены более негативно: 3 из 23 русских зоосемизмов реализуют положительную или нейтральную оценку: *птица, орёл, ласточка*; остальные зоосемизмы (87 %) негативно окрашены. Эти количественные характеристики отражают различия в оценочности китайской и русской зоонимической метафористики.

Среди источников изучения языка дополнительные возможности для исследователя содержат двуязычные толковые словари, которые отражают также научные достижения лексикографии сопоставляемых языков. В п. 3.4 особенности русских зоосемизмов рассмотрены сквозь призму двуязычного русско-китайского словаря.

«Большой русско-китайский толковый словарь новой эпохи»¹⁴ на 300 тысяч слов (далее: РКТС) отражает восприятие русской лексики со стороны носителя другого языка и другой культуры. Это позволяет определить круг схождений в использовании зоосемизмов, выявить сферу специфического для русского языка и трудно переводимого на китайский язык. Изучение русского словарного материала, как он представлен в китайской двуязычной

¹⁴ Большой русско-китайский толковый словарь новой эпохи: в 4 т. / Под ред. Пань Гоминь, Ли Сиинь. – Харбин: Хэйлунцзянское народное издательство, 2014. 7676 с. // 新时代俄汉详解大词典: 共4卷, 哈尔滨: 黑龙江人民出版社. 2014. 7676 с.

лексикографии, показало, что некоторые особенности этого представления могут быть связаны с разными подходами к данной языковой проблеме в русскоязычной и китаеязычной лексикографии. В частности, в лексикографической практике китайского языка не проводится последовательного разграничения метафорических и фразеологических значений. Это затрудняет описание русского зоосемического материала в двуязычном словаре.

Сравнительно адекватное отражение характеризующих значений русских зоосемизмов в двуязычном словаре составляет около трети от того зоосемического материала, который выявлен нами в русских толковых словарях (53 зоосемизма из 162 – 32,7 %); толкования в двуязычном словаре в той или иной степени не соответствуют толкованиям в русских толковых словарях у половины русских зоосемизмов (у 83 из 162 – 51,2 %); у шестой части русских зоосемизмов не отражены зоосемические значения, имеющиеся в русских словарях (у 26 из 162 – 16 %). Эти количественные показатели отражают сложности с описанием метафорических значений в двуязычной (переводной) лексикографии.

Способы лексикографического описания русского метафорического характеризующего значения в двуязычном русско-китайском словаре не однотипны. При переводе русского зоосемизма его характеризующее значение в двуязычном словаре преимущественно раскрывается описательно, как буквальный перевод на китайский язык толкования русского зоосемизма, без обращения к китайскому зоосемическому соответствию.

Единичные русские зоосемизмы переводятся китайскими зоосемизмами, мотивированными теми же зоонимами, с близким характеризующим значением: *зверь* («цинъ шоу» – ‘птицы и звери’), *зверюга* («е шоу» – ‘дикий зверь’), *змееныш* («сяо ду-шэ» – ‘маленькая змея’), *тигрица* («му лао-ху» – ‘самка тигра’). Такой тип толкования свидетельствует о том, что в русской и китайской языковых культурах обнаруживается в целом близкое понимание некоторых зоосемизмов.

В незначительной степени в двуязычном словаре отражён перевод русских зоосемизмов китайскими зоосемизмами, которые мотивированы другими зоонимами (с близким характеризующим значением). Например, *спрут* в двуязычном словаре переведен как «да э» – *досл.* ‘большой крокодил, чьи злобные и вредоносные планы и поступки, вредная деятельность тайно проникают всюду, охватывают многих людей’ [РКТС: 6165]. *Сова* – «е мао-цзы» – *досл.* ‘ночной кот’ [РКТС: 6026]. В китайском языке зооним *сова* означает дословно ‘ястреб с головой кота’. Так что в основе сближения русского зоосемизма *сова* и китайского *е мао-цзы* (‘ночной кот’) лежит образ одного и того же ночного животного – совы.

Русскому зоосемизму может соответствовать китайское сравнение, метонимия или метафора с не зоонимическим образом. Это наблюдается при переводе зоосемизмов *кит* («тай чжу-цы» – ‘основная опора’, «динь лян-чжу» – ‘главная колонна’, «гу гань» – ‘диафиз’), *зайчик* («сяо хин-гань» – ‘маленькие сердце и печень’), *слизняк* («жуань гу-тоу» – ‘мягкая кость’),

обезьяна («чжо па-гуай» – ‘некрасивое чудовище’), *пиявка* («си сюе-гуй» – ‘вампир’); «ци шэн-чун» – ‘паразит’), *ворона* («ма да-ха» – ‘имя героя комедийного представления’), *притворяшка* («вэй цюнь-ци» – ‘связано с историческим персонажем’), *быдло* («синь ши цоу чжоу» – ‘шагающий труп’). Несовпадения в используемых образах отражают географические, национальные особенности России и Китая, особенности исторического развития двух народов.

Некоторые русские зоосемизмы имеют в двуязычном словаре дополнительные значения, источником которых являются: русские фразеологизмы (*барбос, бык, вороньё, гидра, гусыня, жук, крокодил, лев, львица, овца, собака*); молодёжный сленг, профессиональный или блатной жаргон (*овца, конь*); контекстуальное употребление зоо-номинаций в художественной литературе (*клуша, козьявка, корова, крыса, мелюзга, тварь*), значение которых иногда иллюстрируется неадекватно (*тварь*). Для некоторых дополнительных значений установить источник затруднительно (*волк, динозавр*). Таким образом, в двуязычном словаре совмещены зоосемические и зоонимические значения. Авторы двуязычного словаря ориентируются не только на русский литературный язык, но также на русский народный язык. Метафорическое значение многих зоосемизмов, напротив, представлено более узким набором характеризующих признаков.

В двуязычном словаре не отражены в основном те зоосемизмы, которые выявлены только в одном из русских словарей – только в РСС или только в СОС. Следовательно, двуязычный словарь отчасти отражает объективные трудности с выявлением русских метафорических значений и некоторую субъективность лексикографических решений русскоязычных словарей.

Расхождения в пометах между русскими словарями, с одной стороны, и двуязычным русско-китайским словарем, с другой стороны, не однотипны. РКТС не следует пометам в русских словарях, приведены другие пометы при следующих зоосемизмах: *кобра, кобыла / кобылица, кукушка, паразит, паразитка, тля, червяк, шилохвостка*. При зоосемизмах *бугай, кобель, коза, росомаха, сокол* в двуязычном словаре, кроме помет русских словарей, имеются дополнительные пометы. При следующих зоосемизмах в двуязычном словаре отсутствуют отдельные пометы: *гусь, животное, клоп, скорпион, скот, скотина, убудок*. Пометы в РКТС соответствуют пометам СОС, но уже перечня помет, имеющих при зоосемизмах в РСС: *аспид, боров, гад, гадина, гадюка, глиста, гнида, ехидна, змея, каракатица, легавый, осёл, паук, поросёнок, рыба, свинья, сука, тюлень, хамелеон*. При той вариантности помет, которую наблюдаем в русских словарях, практически соотносительными можно считать пометы при зоосемизмах *кабан (прост. пренебр. и прост. презр.)* и *жеребец (прост. ирон. и прост. шутил.)*. В целом система стилистических помет в РКТС менее детализирована по сравнению с русскими словарями. Пометы при многих зоосемизмах не соответствуют пометам в русских словарях.

РКТС следует грамматическим пометам русскоязычных словарей, а также следует за маркерами биологического пола, принятыми в

русскоязычной лексикографии. В основном двуязычный словарь адекватно отражает особенности грамматического рода и биологического пола русских зоосемизмов. Несоответствия в разных группах отражаются в описании от 5 до 12 % зоосемизмов. Так, словарные толкования зоосемизмов *гидра*, *квочка* в двуязычном словаре нуждаются в помете типа «обычно относится к женщине»; зоосемизм *кобылка* может быть дополнен вторым значением с указанием на женский биологический пол. Определения двуязычного словаря нуждаются в замене маркера биологического пола ‘мужчина’ (относится только к мужскому полу) на маркер ‘человек’ (относится к мужчине и женщине) у зоосемизмов *верблюды*, *голубь*, *козёл*.

Определенную сложность для двуязычного словаря представляют толкования русских словарей без регулярного маркера биологического пола: типа ‘крикун’ при зоосемизме *шавка*; ‘сыщик, сыскной, шпион’ (*ищейка*); ‘вампир, паразит’ (*пиявка*); ‘мерзавец, животное, скотина’ (*гадина*); местоимения *тот кто* (*птичка*). Такие способы толкования не ориентируют китаеязычного пользователя в отношении биологического пола зоосемизма. Ложным ориентиром в отношении биологического пола в данном случае является указание на женский грамматический род. На наш взгляд, при переводе таких зоосемизмов на китайский язык грамматической пометы женского рода недостаточно. Предпочтительно добавить маркеры для женского и мужского биологического пола также для зоосемизмов *жирафа – жирафа*, *гад – гадина*, *зверь – зверюга*.

Кроме того, помета общего рода не ориентирует китаеязычного пользователя в особенностях синтаксических связей относящихся сюда слов: в вариантности атрибутивного и предикативного согласования при названиях лиц мужского пола, в отличие от названий лиц женского пола. Эту недостающую информацию могли бы восполнить иллюстрации из литературных текстов или образцы сочетаемости зоосемизмов типа: *Он настоящий зверюга*, *Он настоящая зверюга*; *Она настоящая зверюга*.

Таким образом, частные проблемы двуязычной лексикографии, связанные с вариативностью лексикографических способов описания или с недостаточностью для иноязычного пользователя той информации, которая имеется в русских словарях, с необходимостью ее унификации, конкретизации или экспликации, очерчивают перспективы дальнейшей разработки зоосемической проблематики.

Глава 3 завершается основными выводами (п. 3.5).

В **Заключении** представлены основные итоги проведённого исследования.

Список работ, опубликованных по теме диссертации

Статьи, опубликованные в изданиях ВАК, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова:

1. *Ли Имо.* Зоосемизмы и зоонимы в составе фразеологических единиц. *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия Гуманитарные науки*, 2021; № 3/2. С. 137-143. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,073.

2. *Ли Имо.* Зоосемизмы в русской и китайской лексикографии: род и пол. *Мир науки, культуры, образования (Горно-Алтайск)*, 2020; № 5. С. 289-295. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,31.

3. *Ли Имо.* Лексикографические особенности русских зоосемизмов на фоне китайского языка. *Мир науки, культуры, образования (Горно-Алтайск)*, 2020; № 4. С. 417-420. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,31.

4. *Ли Имо.* Русские зоосемизмы в зеркале русско-китайского словаря. *Вестник ПермГУ*, 2020; № 3. С. 49-58. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,383.

Публикации в других изданиях:

5. *Ли Имо.* Лексикографический аспект дифференциации метафорических и фразеологически связанных значений зоонимов (на материале русско-китайского двуязычного словаря). *Славянские чтения*, 2021; № 18 (24). С. 72-86.

6. *Ли Имо.* Русские зоосемизмы vs зоонимы в составе фразеологических единиц // XXVIII Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых "Ломоносов-2021", МГУ имени М.В. Ломоносова.

7. *Ли Имо.* Русские зоосемизмы в зеркале русско-китайского словаря // XXVII Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых "Ломоносов-2020", МГУ имени М.В. Ломоносова.

8. *Ли Имо.* Русские зоосемизмы на фоне китайского языка // XXVI Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых "Ломоносов-2019", МГУ имени М.В. Ломоносова.